

- Украина станет намного более *проевропейской* страной — как ввиду большей национально-культурной монолитности, так и в связи с очевидной связкой в общественном мнении отделения восточных регионов с влиянием России на этот процесс.

«Крым и Донбасс, — подчеркивает автор этой концепции, — потеряны для Украины — это сегодня стоит признать как данность. Но неудачно проведенное сражение — еще не проигранная война. Брестский мир, заключенный большевиками в 1918 г., казался катастрофическим с точки зрения масштабов потерянных территорий — но через три года Красная армия уже подходила к Варшаве»¹⁴.

Размышления Владислава Иноземцева могут многим, как России, так и в Украине, показаться ненаучной фантастикой. Однако еще более фантастичными представлялись предвидения относительно распада СССР. Считались совершенно не возможными террористическая атака 9 сентября 2001 г. и многие другие события, ставшие поворотными моментами в истории прошлого и начале нынешнего века. И в свете этого главный урок украинского кризиса, пожалуй, состоит в необходимости не только учитывать в политическом планировании варианты, кажущиеся совершенно невозможными, говоря словами Германа Кана, «мыслить о немыслимом», но и конструировать столь же неожиданные и парадоксальные решения возникающих проблем и вызовов.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: НОВЫЙ МИР: МЕСТО И ВРЕМЯ РОЖДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНО. ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО

Некоторые говорят, что новый мир рождается на востоке Украины. Вряд ли это так. Там как раз завершается век XX. Заканчивается распад Советского Союза, хотя, конечно, украинские плодородные почвы привносят странную и пугающую специфику. Все-таки выясняется, что попытка искусственно сохранять на просторах постсоветского пространства комфортные, но искусственные реальности себя не оправдала. Скажем прямо: современная Украина была продуктом коллективного творчества и США, и Европы, и Германии, которая действовала отдельно от Европы, да и России именно потому, что это была относительно комфортная для всех реальность. И существовала — подчеркнем, существовала, но не развивалась — Украина преимущественно за счет прямого и косвенного внешнего финансирования. Законы истории не удалось обмануть и в этом случае.

Интересно, но промелькнувшая в СМИ и приписываемая в прошлом гэдээровской пионерке Ангеле Меркель фраза о том, что В. В. Путин живет в *другом мире*, не лишена смысла. Российский президент действительно живет в XXI веке, тогда как большинство лидеров крупнейших стран мира *зависли* между XX и XXI веками, так до конца и не осознав того, что из себя представляет новая эпоха. Исключение составляют США, которые придумали для себя собственный мир и пытаются там жить, совершенно не обращая внимание на то, что происходит вокруг них.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ НАКАНУНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Попробуем вкратце обозначить черты, которые характеризуют современную ситуацию в международных отношениях со стратегической точки зрения:

- Хельсинская система 1973 г., дополненная в Париже в 1990-м г. окончательно перестала существовать не только на уровне реальной политики, но даже как формальный политический инструмент. Справедливости ради надо сказать, что данная система уже давно находилась в политической коме, однако ее похороны открывают нашему взору колоссальный концептуальный геополитический вакуум в том, что касается принципов

взаимодействия государств в Европе и на ее окраинах. Вакуум, который еще очень не скоро будет заполнен. Уж точно не при нынешнем поколении политиков.

- Китай явно продемонстрировал неготовность к геополитическому соревнованию с США. Мудрые пекинские правители продолжают быть уверенными в том, что мимо них рано или поздно проплывет труп их врага и, кстати, они совершенно необязательно в этом ошибаются. Однако, думается, что лучшего момента оспорить геополитическую гегемонию США у них не будет в следующие лет пять, если не десять, несмотря на получение доступа к российскому газу. Так, что тем, кто надеялся на скорое восстановление геополитической биполярности, стоит расслабиться. Надолго.
- Экономическая взаимозависимость стала свершившимся фактом. Наши западные коллеги много писали об этом, но почему-то думали, что *взаимозависеть* будет кто-то другой. Ничего подобного: в современной мировой экономике даже экономические *гранды* не могут делать резких движений (например, санкций) без последствий для себя, причем весьма серьезных. На этом фоне возникает странный парадокс: в ряде случаев применить военную силу оказывается проще, нежели оказать действенное экономическое давление на нарушителей того или иного международного режима.
- Окончательный коллапс международных структур. Если бы не кровь, то можно было бы сказать, что мы наблюдаем кадры из дешевой американской комедии, в которой роль главного персонажа исполняет генеральный секретарь ООН, окончательно потерявший лицо на фоне событий на Украине. По степени политической неадекватности с Генеральным секретарем ООН может поспорить только генеральный секретарь НАТО, но там ситуация усугубляется еще и личностью этого несомненного титана западной демократии. Это печально, это предсказуемо, но это и неожиданно. А еще и опасно: боюсь показаться циничным, но межвоенная Европа была бы более стабильным местом без Лиги Наций, поскольку существование безликой и бессмысленной *площадки* порождало слишком много иллюзий и надежд. Однако то же самое можно сказать **и** о практически любой международной структуре, не исключая и те, которые еще несколько лет считались эталоном.
- Виртуальная реальность в политике, столкнувшись с реальностью объективной, дала сбой. Конечно, американская система промывания мозгов в очередной раз проявила себя блестяще. Замечательный пример — чем меньше американцев знало, где находится Крым, тем больше они были готовы его завоевывать. Ибо они привыкли, что в основном завоевание происходит в виртуальной реальности. Те же, кто предвещал себе перспективы *завоевания* в реальности, были куда более аккуратны. Вообще виртуальная реальность усугубляет геополитическую безответственность. Хорошо, однако, уже то, что выяснилось, что виртуальная реальность управляет миром, только пока люди ей это позволяют. В момент, когда возникает реальная политика (а от себя добавим, и реальная экономика) виртуальная реальность в одночасье теряет свою эффективность. Самое интересное начнется, когда виртуальная реальность утратит свою эффективность не только в политике, но и в экономике.

В современной политике и экономике все запаздывает по сравнению с прогнозами. Так ли уж были верны предположения о том, что мировые процессы в современном мире существенно ускорились? Коммуникации, — да, стали значительно оперативнее, практически на уровне реального времени. Но собственно процессы развития мировой политики мировой экономики проходят в темпе в действительности, как минимум, сравнимом с тем, как процессы развивались в 1970-е

Мустафа Фетоури (Ливия), независимый аналитик и журналист — по электронной почте из Триполи: На Ближнем Востоке и в Северной Африке ситуация в сфере безопасности продолжила усугубляться: возникли новые угрозы, нестабильность усилилась. Во время как Тунис преодолевает препятствия и движется вперед к развитию, улучшает статьи новой конституции и утверждает новое правительство технократов, которое будет управлять финальной стадией демократического переходного периода, угрозы безопасности и суверенитету страны только усугубляются. В течение последних трех месяцев в западных и юго-западных регионах страны возросли насилие и теракты. Совершаются они джихадистами, преимущественно из группировки *Ансар шария*. Несмотря на то что правительство *Ан-Нахда* сдала власть, чтобы избежать общественного гнева, вряд ли это поможет партии заручиться большинством на следующих выборах. Следующее правительство станет, скорее всего, коалиционным.

Разочарование общественности действующим правительством продолжает оставаться проблемой для Ливии. Весной в стране имело место массовое гражданское неповиновение. Было блокирована работа правительственных учреждений, основных дорог вокруг наиболее крупных городов — Триполи и Бенгази. В Азавии разгневанные демонстранты заблокировали основные дороги, соединяющие Триполи с западными районами страны. На западе Ливии расположены основные нефтеперерабатывающие заводы, и действия демонстрантов привели к нехватке топлива. Это вылилось в проблемы с бензином и длинным очередям на бензозаправках в столицы и других крупных городах Ливии.

и 1980-е гг. И что самое интересно, на фоне отсутствия рывка в скорости происходящих процессов, на фоне существования многочисленных систем наблюдения, мониторинга и *прослушки*, выяснилось, что государства все еще обладают значительными возможностями многое делать тайно. Примером этого является операция российских войск в Крыму. Иными словами, степень реальной прозрачности международных процессов отнюдь не прямо пропорциональна количеству технических средств, которые внедряются для ее обеспечения.

Но ведь если мы посмотрим на эти особенности нового мира в комплексе, то с удивлением обнаружим весьма странное обстоятельство: политическая взаимозависимость практически исчезла, где-то уступив место полной политической деструкции, а где-то выродившись в отношения *метрополия–полупериферия*, как например, в отношениях США–Европа, о чем речь впереди. Ровно в то же время, как экономическая взаимозависимость достигла апогея, практически полностью исключив возможность проведения полностью суверенной внешнеэкономической линии, политическая взаимозависимость и ее институты форсированным темпом деградировали, превращаясь в даже не в традицию, а в ритуал. Например, принято периодически вспоминать об ОБСЕ, хотя все прекрасно понимают, что никакой реальной роли, отличной от роли НАТО, эта организация давно не играет. Принято ездить в Совет Европы и выслушивать поучения, следовать которым никто не собирается. И так далее. А зачем это *принято*, в сущности, никого не интересует.

Однако это — стратегия. Это то, что вызревает годами, а потом годами прорастает в практическую политику. Просто сейчас они проявились применительно к ситуации, которую уж никак нельзя было игнорировать. А каковы же процессы, которые связаны именно с последними 3–6 месяцами? Как они вписываются в те стратегические тенденции, которые мы бегло обрисовали.

ВТОРОЙ ЭКРАН СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Конечно, наиболее привлекательные с точки картинки в СМИ события происходят в АТР и на Украине. Происходящее в других регионах мира, конечно, не так феерично, но в действительности вызывает не меньшей интерес. Именно события на Украине воспринимаются как свидетельство возникновения новых тенденций в международных отношениях. Но так ли это? В конечном счете уровень кинематографа определяют не только блокбастеры, но и те фильмы, которые тихо идут по экранам клубов в домах творчества, а то и в колхозах, но которые потом вдруг становятся символами эпохи. Итак, что же осталось за кадром, пока мир смотрел по телеэкрану сражение на горе Карачун?

- Признаки перелома в гражданской войне в Сирии. До перелома еще далеко, да и США стали все более активно втягиваться в военную часть конфликта, однако существенно изменились настроения. А на фоне изменения настроений начался отток солдат джихада в более перспективные страны, например в Нигерию, Мали, а возможно и в Ливию с Алжиром. Эффект такого стратегического смещения фокуса пока окончательно не ясен. Но уже сейчас интересно, как отток исламистов с Восточного Средиземноморья в Северную и Западную Африку повлияет на военно-политическую ситуацию в этих чувствительных странах Европы, регионах.
- Конечно, результаты выборов в Европарламент и, хотя не триумфальная, но ощутимая победа ультраправых, а также неожиданные флуктуации в европейском общественном мнении должны были настроить политические элиты Европы на некую новую волну. Но, видимо, не в коня корм: похоже, что европейские правители глубоко уверены, что это лишь случайность, результат неудачного стечения обстоятельств и очевидных дефектов отдельных личностей. Хочется сказать: «Это вряд ли». В этот раз европейская политическая и пропагандистская машина, думается,

Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ (г. Бишкек, Киргизия) — по электронной почте из Будапешта: На региональном уровне для Европы главным событием периода стал кризис на Украине и изменение суверенитета Крыма. Несмотря на то что украинские события напрямую не затронули безопасность Европы в целом и Центральной и Восточной Европы в частности, важность и сложность ситуации для региона не вызывает сомнений. Очевидно, что слабая государственность и плохое управление страной — это наиболее актуальные проблемы не только для Украины, но и Сирии, а также для других стран от Боснии и Герцеговины до Турции.

Несмотря на то что, как кажется, Россия приобрела преимущества вследствие конфликта на Украине, не следует забывать, что и эта страна — ныне часть взаимозависимой международной системы. Россия не в состоянии сегодня водрузить на себя развитие собственной экономики без сотрудничества с зарубежными партнерами, как это было в период холодной войны. Запад также не заинтересован в продолжении противостоянии с Россией по целому ряду причин, включая экономическое взаимодействие. Урон российской экономике скорее будет нанесен не санкциями, а тем, что она достаточно интегрирована в мировую экономику, а усиление ее политического влияния в Крыму приведет к серьезным экономическим трудностям. Иначе говоря, сложности в российской экономике — это не прямое воздействие санкций, а скорее результат экономической интеграции.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте: На III Препкоме в апреле-мае 2014 г. ядерные государства упустили возможность укрепить режим ДНЯО. Стремление ядерных государств совершенствовать свои ядерные арсеналы и ощущаемое нежелание приступить к безоговорочному ядерному разоружению — нехороший знак для режима ядерного нераспространения в долгосрочной перспективе и для международного климата безопасности в краткосрочной перспективе.

Государства Латинской Америки и Карибского региона продолжают соблюдать свои обязательства, в том числе по режиму нераспространения. Мирное демократическое развитие — главная движущая сила региона, который остается одним из самых мирных в мире.

Что касается ситуации в Венесуэле, где продолжается противостояние власти и оппозиции, то латиноамериканские государства рассматривают этот кризис как внутреннее дело страны. Только сами венесуэльцы способны решить его. УНАСУР — союз южноамериканских наций — попытался помочь Венесуэле разрешить кризис посредством заключения соглашения с венесуэльским правительством, но достичь большого прогресса организации не удалось.

все же успешно задавят ростки инакомыслия. Однако первая трещина по европейскому фасаду уже прошла, прошла глубоко. Главное — все поняли новый тренд.

- Стагнация (впрочем, ожидаемая) американо-иранского переговорного процесса. Как и предполагалось, иранцы справедливо решили, что в современном мире США не являются единственными воротами, через которые можно интегрироваться в мировую экономику. Даже на общем фоне, не слишком благоприятном для американской администрации, заключение соглашения Ирана и России о сотрудничестве в сфере ТЭКа на маргинальные в общем-то для нефтегазовых экономик 10 млрд долларов было воспринято очень болезненно. Наверное, потому, что к собственно ТЭКу это соглашение имеет весьма опосредованное отношение. Дело в другом: иранское руководство откровенно и четко продемонстрировало своим западным партнерам, что не даст им использовать процесс диалога для оказания влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Иране. А собственно это, а не иранская ядерная программа, и было главной задачей диалога, по крайней мере, именно так ее явно мыслили в Вашингтоне.
- Почти официальное признание Америкой своего нового партнерства с талибами. Во всяком случае именно так можно и нужно интерпретировать заявления министра обороны США Чака Хейгла по, в сущности, далеко не стратегическому событию обмена то ли плененного, то ли дезертировавшего американского солдата на пятерых узников Гуантанамо. Вероятно, это и есть тот *асимметричный ответ*, который США применили против России и, похоже, Казахстана. Заодно можно увидеть в этом и сигнал о том, что в Узбекистане дела пошли так хорошо, что этого союзника американцам впору смело *списывать*. Но в глобальной политике нельзя повторяться, а США пытаются прокрутить одну и ту же комбинацию в третий раз.

- Резкое обострение китайско-вьетнамских противоречий, причем уже общим местом стало утверждение, вероятно, совершенно справедливое, что за нынешними действиями Ханоя стоят США. На Дальнем Востоке возникает новый геополитический расклад, окончательные параметры которого до конца не ясны, однако понятно, что американский *Боливар* не вынесет троих региональных союзников, так что, либо Японией, либо Южной Кореей придется жертвовать. Не Тайванем же...
- Переход напряженности на Корейском полуострове в более управляемое русло, что может свидетельствовать о начале процесса *торговли* об условиях и рамках новой временной стабилизации. Похоже, молодой северокорейский лидер решил, что большего ему уже у США и Южной Кореи *не отжать*, а задачи зачистки отцовской команды в целом уже решены. Можно начинать выстраивать свой имидж и создавать экономические рамки будущего царствования.
- Нарастание изоляции Саудовской Аравии. То, что начиналось как претензия на политическую гегемонию в арабском мире, начинает превращаться в весьма опасный гамбит, в котором за политической изоляцией и утратой доминирующих позиций среди нефтедобывающих монархий Аравии может последовать и изоляция военно-политическая. А там уже и до полного распада режима недалеко. Вы никогда не задумывались о том, что Саудовская Аравия — это Украина арабского мира? С точки зрения искусственности границ и внутренней структуры в частности. Мне кажется, эта аналогия далеко не беспочвенна.
- Нарастание межплеменной и межрелигиозной напряженности в Африке (наиболее видимыми признаками которой является ситуация в Нигерии, Судане, Мали и ЦАР) и это при 105, а то и 110 долларах за баррель нефти. Очевидно, что средств на *покупку стабильности* начинает не хватать, а взрывного потенциала все больше и больше. Интересно, что там начнется при 85 долларах?
- Признаки очередной (какой по счету?) войны за демократию и права человека в Ливии, которая, конечно, пока еще не грозит перекинуться

Сехларе Макгетланенг (Южно-Африканская Республика), глава исследовательской программы «Управление и демократия» института Африки ЮАР — по электронной почте из Претории: Франция продолжит свою политику в отношении Африки, и это станет главной тенденцией периода, определяющей развитие континента. Париж намерен проводить свои военные операции в государствах Западной Африки. Однако важно помнить, что главной целью французов является продвижение своих стратегических и тактических интересов на континенте в целом и в Западной Африке в частности. Африка — единственная часть мира, где Франция может свободно осуществлять свою власть и продвигать влияние.

Серьезные последствия отсутствия единого национального правительства в Демократической Республике Конго (ДРК) оказывают серьезное воздействие на безопасность в Африке. Это проблема вкупе с вопросами безопасности в восточной части страны обостряют проблему в предстоящий период. Вовлечение Руанды и Уганды во внутренние дела ДРК посредством оказания материальной поддержки повстанцам, сражающимся в национальной армии в восточной части страны, — другая не менее значимая проблема безопасности на континенте.

на Алжир, но уже сейчас создает серьезную нервозность у европейцев, еще вчера рассчитывавших на беспрепятственные поставки дешевых нефти и газа из Северной Африки по кратчайшему маршруту.

- Возвращение Египта к традиционному состоянию либерально-военной диктатуры. Вероятно, египетские военные будут теперь более *много-векторными* (свидетельством чему в том числе и активизация связей с Россией), однако в любом случае времена египетского лидерства в арабском мире прошли. Реинкарнации Насера явно не будет, а шанс предложить арабам либеральный исламизм с социальной риторикой (что могло реально стать новой общеарабской идеологией), был похоронен на площади Тахрир во время свержения М. Мурси.

Иначе говоря, в действительности масштабы глобальных военно-силовых процессов куда больше и серьезнее, нежели то, что мы наблюдаем на востоке Украины. А главное, процессы, идущие *вторым экраном* в мировых СМИ, имеют куда больший потенциал геополитического влияния (и в силовой сфере, и, особенно, в экономике), чем то, кто контролирует райсовет в городе Красный Лиман.

Причем, что интересно, за очень редким исключением, указанные выше процессы *второго экрана* в отличие от того, что заполняет *первый экран*, инициировались именно в последние полгода, а иногда и в последний квартал. То есть именно они, а не развал 50-миллионного государства, про которое все еще в 1991 г. знали, что оно искусственное, являются ключевыми продуктами новой геополитической реальности. Интересный парадокс, правда?

ИЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УГЛА НА ПРОСТОРЫ АТР

Говорить о сближении России и Китая стало уже почти банальностью, равно как такой же банальностью стало предостерегать от оного. На деле ситуация, кажется, существенно более сложна. Нас, конечно, не может не радовать, что российско-китайский газовый контракт почти убивает австралийские проекты в сфере сжиженного природного газа (СПГ): пустячок, а приятно бывает щелкнуть по носу стране, упивавшейся своей русофобией в ощущении полной безнаказанности. Но ведь не Австралия является главным конкурентом России на азиатском рынке углеводородов, а такие страны, как Иран и Катар, а в перспективе и Бангладеш. Так что, для того чтобы успешно конкурировать с ними надо, помимо восприятия действительности как бы *в пакете* (как дополнение, к другим проектам, но никак не основу сотрудничества), срочно повышать собственную ценовую конкурентоспособность, с которой у российской газовой отрасли в последнее десятилетие существенные проблемы.

Если говорить объективно, то, думается, с разворотом Газпрома на Восток в широком смысле слова, а не только на Китай, мы опоздали на 4–5 лет. Причины понятны: традиционная бюрократическая убежденность, что *на наш век хватит*, которая пересилила все рациональные аргументы и подсознательное стремление договориться хоть о чем с такими *социально близкими* (именно социально!) европейцами, которые почти обещали признание за российскими нуворишами *места под солнцем*. Которое, как правило, оказывалось в уютном Лондоне. Беда в том, что последствия этого опоздания так до конца и не ясны. И если 5 лет назад Газпром и российская газовая отрасль в целом могли бы претендовать на доминирование на региональном газовом рынке, то теперь речь идет максимум о том, чтобы занять там приличное место и поконкурировать на равных с альтернативными проектами, например, по сжиженному газу. Важно еще и то, что АТР как операционная площадка является куда более сложной, нежели в целом привычная нам Европа. За успех в АТР придется платить существенно дороже, чем за успех в Европе.

И дело тут не только и не столько в Газпроме (тем более что на региональном газовом рынке собирается играть и Роснефть). Давайте просто инвентаризируем те

черты, политические, экономические и культурные, того региона, куда мы теперь интегрируемся, понимая совершенную неизбежность этой интеграции:

- ❑ В АТР мы будем в основном иметь дело с большими и очень большими государствами, на которые размеры и ресурсы России не будут производить того же гипнотического эффекта, который Россия производит на Лихтенштейн.
- ❑ В АТР Россия столкнется с тем, что даже наши российские, весьма, надо сказать, специфические (в хорошем смысле, естественно!), представления о демократии будут выглядеть совершенной экзотикой, о которой в приличном обществе и говорить не стоит.
- ❑ АТР при всех достижениях последних десятилетий остается территорией экономической неопределенности, которая чревата возникновением таких потрясений, волны которых докатываются и до США, и до Европы.
- ❑ АТР, не исключая Китая, остается территорией политической неопределенности, последним, но никак не самым ярким проявлением которой стал военный переворот в Таиланде, когда военные поменяли не только две-три фигуры на шахматной доске, но и саму игру. Подобное может произойти практически в любой стране региона. Говорят, единственное исключение — КНДР, которую можно с полным правом назвать *скалой стабильности*, однако и в этом есть определенные сомнения.
- ❑ АТР остается территорией, где применение силы считается важным элементом внешней политики — его использования стараются избегать, но продемонстрировать готовность к войне считается *хорошим тоном*.
- ❑ АТР является территорией, где доминируют теневые, закулисные механизмы политического взаимодействия, а никак не публичные форумы. Желющие оспорить это утверждение могут попытаться разобраться в истории с малазийским *боингом*.
- ❑ АТР является регионом, где экономический рост в 1,5% в год вызывает сочувственную улыбку, а страны, в которых по тем или иным причинам случается такое несчастье, рассматриваются как *бедные родственники*.

Прочитав все вышесказанное, а также вспомнив все, что автор позабыл, зададим себе вопрос: а мы точно уверены, что готовы активно играть на этой площадке? Мы ведь привыкли к достаточно комфортному времяпрепровождению в нашем *дальневосточном углу*, где нас особо не тревожили. Хотя ветер Восточной Азии колюч, а Южной Азии — порывист и влажен, в целом АТР является регионом, где больше всего ценят тихую силу и уверенность, а не громкий пиар. Придется быть жестче, эффективнее, агрессивнее. Иными словами, чтобы чего-то добиться на Востоке надо стать другими. Если Россия сможет этого добиться, возникнет совершенно иное качество российской внешней политики. Если нет, серьезный экономический кризис и сопутствующая ему смена элит станет неминуема.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ЭНДШПИЛЬ

Много удивления вызвала у российских комментаторов позиция европейских стран, которые по-разному: кто стыдливо, как Италия, а кто гордо и агрессивно, как Германия, поддержали Вашингтон в противостоянии с Россией. Такого единомыслия, кажется, никто не ожидал. А зря: тенденции усиления политической монополярности западного мира нарастали все последнее десятилетие.

Ситуация, между тем, была предсказуема. В России как-то привыкли мерять Европу, прежде всего европейскую политику, мерками 1980-х — начала 1990-х гг. Годов, когда Европейское тогда еще сообщество было на гребне экономического подъема, поглощая перспективные рынки Восточной Европы, а во главе ключевых стран

стояли политические гиганты. Философы и экономисты мечтали о *европейском веке* и о европейской гегемонии в мировой торговле. Сейчас этого уже давно нет, а главное, вероятно, уже никогда не будет. Но происходящее в евроатлантических отношениях началось не вчера и не позавчера. Мы присутствуем в эндшпиле процесса, которые относятся к уже забытым ныне 1970-м гг., когда впервые со времен Второй мировой войны Европа начала подумывать, что у нее тоже может быть самостоятельная международная роль. И надо сказать, определенные основания для этого поначалу были.

Не время и не место говорить о тех *ступенях вниз*, которые пришлось пройти Европе к утрате своих геополитических амбиций. Укажем лишь на один важный компонент: опыт Европы последних 30 лет наглядно показал, что экономических возможностей и выстроенных вокруг них технологий влияния совершенно не достаточно, для того чтобы обеспечить реальное глобальное. Тем более влияние глобальное. Тем более влияние в кризисных ситуациях.

Что до Европы, то местные элиты, явственно деградировавшие за последние 20 лет (средняя по способностям и потенциалу Ангела Меркель действительно выглядит на общем фоне политическим гигантом не только как представитель своей страны, но и в личном плане), продолжали находиться в святой уверенности, что экономика рано или поздно сама по себе перерастет в политическое влияние. Чем-то европейские политики конца 1990-х — начала *нулевых* напоминают нынешнее китайское руководство, а в более далекой перспективе — *кремлевских старцев* 1980-х, живших по принципу *лишь бы не было войны*.

Да, конечно, немецкая задумка с организацией *Майдана 2.0* вокруг Соглашения об ассоциации с ЕС, которое никто не читал, естественно, и никто не собирался подписывать, была красивой. Вопрос был, конечно, не в Соглашении об ассоциации с ЕС. И уж тем более не в украинском рынке, платежеспособность которого минимальна. Вопрос был в контроле над транзитной территорией и, если получится, над значительными в действительности украинскими запасами углеводородов. Причем весь этот проект должна была оплатить, как обычно, Москва. Согласитесь, грамотная и где-то даже изящная операция. Но разработанные с немецкой тщательностью планы. США изящно и красиво доказали свое превосходство в манипулятивных технологиях, что, к слову, большой урок и для нас: никогда нельзя играть с США на их поле. В результате США (хотя и наших, российских, заслуг умалять не стоит) подарили Европе еще одну прожорливую *черную дыру*, в которую придется вкладывать, как минимум, 12–14 млрд евро в год только для того, чтобы дестабилизация распространялась помедленнее. Для современной Европы это очень значительные деньги. Какой уж теперь *захват украинского рынка*.

Но ведь дело не только в Украине. Украина стала своего рода *последним гвоздем в крышку гроба* европейских амбиций. Дело даже не в последствиях кризиса 2008 г., от которых Европа так и не смогла оправиться.

Можно много говорить об экономике, но нас в данном случае интересует военно-политическая сторона вопроса. В конечном счете, как доказывает опыт последних десяти лет, претендовать на самостоятельный голос в современном мире можно лишь в том случае, когда обладаешь самостоятельными военно-политическими возможностями. Не обязательно — силой. Это может быть инфраструктура, военная промышленность, технологии. Но эти возможности обязаны быть. Так вот, последние 5–10 лет мы наблюдали отказ европейцев от создания собственной инфраструктуры проецирования военной силы. Но беда в том, что начинают деградировать и базовые военные возможности европейцев: сравним то, как амбициозно начиналась для европейцев операция в Афганистане, когда они практически оспаривали у США первенство, и как почти позорно она для них закончилась. Это было почти бегство. США хотя бы достойно сохраняют видимость ухода победителями. А ведь даже в начале нулевых только и разговоров было о *European defense identity*. Вообще если бы не периодический активизм Франции в Африке и традиционное

польское бряцанье оружием, впрочем, далеко не беспочвенное, можно было бы усомниться в наличии у стран ЕС ощутимого военного потенциала.

Но самый главный источник, который и обусловил утрату Европой своей роли и сохранение США контроля над пространством *европейского Средиземья*, заключался, думается, в следующем: США, несмотря на все намеки и давление европейцев, сумели сохранить контроль над инфраструктурой кризисного силового управления.

Риску предположить, что утрата Европой потенциала глобального политического влияния началась тогда, когда европейцы решили пожертвовать слабенькой, неразвитой, рудиментарной, если хотите, системой военно-силового управления, которая существовала в рамках Западно-европейского союза (ЗЕС). Помните такую структуру? Она официально прекратила свое существование в 2011 г., и именно эту дату стоит считать *точкой отказа* ЕС от глобальной роли. Реальная деятельность ЗЕС начала сходить *на нет* еще с середины 1990-х гг., а кому организация попала в начале 2000-х гг. Логика европейцев проста: они надеялись на то, что отказ от собственной оборонной инфраструктуры позволит им получить большее влияние в НАТО. Расчет теперь поражает своей наивностью, однако в конце 1990-х гг., вероятно, в нем были определенные резоны, в том числе связанные с упованием на экономическое могущество ЕС.

Но это был уже второй звоночек в завершении претензий Европы на глобальную гегемонию. А первым было поглощение американской корпорацией MasterCard европейской Europa в 2002 г. Конечно, мы охотно верим, что это были равноправное партнерство и триумф глобализации, однако этот эпизод четко свидетельствовал о капитуляции европейцев в ключевом для глобальной экономики секторе.

А третьим *звоночком*, возвестившим отказ Европы от глобальных амбиций, которые почти никто в России не заметил, стала окончательная стагнация европейской системы навигации Galileo. Конечно, об отказе от системы еще никто не объявлял: *потеря лица* может оказаться слишком существенной даже для европейских политиков, но сроки введения системы в срок уже сдвинуты с 2013–2014-го на 2020 г. И это, вероятно, еще не предел.

Иными словами, за последние годы Европа много говорила о своем грядущем экономическом могуществе, но шаг за шагом отказывалась от всех критических элементов этого могущества.

Если говорить совсем цинично, *Майдан 2.0* запоздал на 10 лет. В 2004 г. данный сценарий, скорее всего, имел существенно большие шансы на успех. США завязли в Ираке, Россия только выбиралась из *кавказской ловушки*, а Европа находилась на пике финансового могущества. Вероятно, тогда не хватило политической воли и готовности рисковать, как рискует всем, в том числе и в личном плане, Ангела Меркель.

А сейчас у ЕС на Украине просто нет НИ ОДНОГО рычага кризисного реагирования, который не контролируется США. Даже финансового.

И это сейчас. Через 5–6 лет, когда США действительно развернут в регионе полноценную систему ПРО, под контролем европейцев не останется НИ ОДНОГО инструмента стратегического управления. Включая и то, что европейская система управления воздушным движением окажется де-факто под контролем США. А если США смогут навязать Европе свой сценарий реструктурирования рынка энергоносителей, то ситуация для ЕС станет фатальной.

Что интересно, в новых евроатлантических условиях совершенно неважно, будет ли существовать Евросоюз, или, согласно пророчествам астрологов, упадет. Для США, пожалуй, выгодным было бы сохранение единого ЕС, для того чтобы окончательно предотвратить ренационализацию оборонной политики какого-либо государства, хотя это в условиях деградации экономики и ослабления элит крайне маловероятно. В любом случае столица Европы прочно и надолго

переехала в Вашингтон, Федеральный округ Колумбия. И это хорошо: по крайней мере нам не придется иметь дело с обезумевшей от выработки общеевропейского стандарта огурца евробюрократией.

НЕОЖИДАННАЯ РОССИЯ

Вряд ли кто-то станет оспаривать то обстоятельство, что Россия всех удивила. И не только и не столько воссоединением с Крымом, сколько общим качеством политики, да и экономики. По сути, удивление от удачно проведенных Олимпийских игр не меньше, если не больше, чем от почти хирургической операции в Крыму. Не менее серьезным было удивление наших западных друзей от крайне вдумчивого, по-другому не скажешь, поведения Москвы в ходе кризиса на Восточной Украине. И уж совсем в шоковое состояние наших друзей привело отношение общественного мнения к происходящему. Нет, не поддержка президента со стороны общественного мнения. К этому наши западные партнеры в целом были готовы. Удивило их то, что в среде российской политической элиты в сущности не появилось *перебежчиков* и не возникло никакой реальной оппозиции проводимому курсу. Во всяком случае в оппозиционных кругах не появилось новых серьезных лиц. А те, кто *возвысил свой голос*, давно и хорошо известны и в России, и, особенно и в основном, за ее пределами, да и, по правде сказать, не слишком они были убедительны.

Но так ли уж неожиданными стали события последнего времени. Взглянем на ситуацию чуть более пристально:

- Сокращение экспортной зависимости от стран ЕС, а если совсем упрощать, — переориентация российского экспорта классических углеводородов с рынка европейских стран на иные, пусть менее прибыльные, региональные рынки. Но вообще-то о том, что России пора пересмотреть свое восторженное отношение к украинскому газовому рынку, говорилось уже много лет, по крайней мере, с момента анонсирования пресловутого *Третьего энергопакета* ЕС, согласно которому Газпрому все равно пришлось бы сократить свое присутствие на европейском рынке, как бы мы не протестовали.
- Импортозащита, а на деле — управляемая балансировка импортных потоков за счет частичной девальвации рубля и административных мер. Однако необходимость хотя бы частичного введения элементов управляемости импорта была предметом экспертного обсуждения лет десять, как минимум, не говоря уже о тематике продовольственной безопасности. А главное, Россия уже года 3–4 готова к тому, чтобы проводить политику управления импортом без серьезных социальных последствий и с пользой для развития собственной экономики.
- Национализация финансового обращения. Но, вспомним, в какой истерике и с каким надрывом еще 7–8 лет назад либералы боролись против самой идеи национальной платежной системы? Какая истерика возникла при одном только упоминании необходимости введения даже самых минимальных элементов валютного и экспортного контроля? То есть и эта необходимость возникла не вчера, и не в декабре 2013 г. Она назревала годами, только сдерживалась за счет доминирования в российской элите определенных сил, позиции которых сейчас, скажем так, ослабли. И даже вполне разумное и откровенно антикоррупционное предложение начать более жестко контролировать расходы госкомпаний было провалено. И только изменение политической атмосферы в стране позволило к нему вернуться¹⁵. В целом же вопрос о коренной перестройке российских финансов актуален еще с 2008 г., и только гигантская и, в сущности, зловещая тень А. Л. Кудрина мешала руководству страны разглядеть некоторые важные детали. Теперь, вероятно, света стало больше.

- Инвентаризация лиц с двойным гражданством и офшорных чиновников. Конечно, для некоторых граждан, окончательно интегрированных в мировую экономику, это стало неожиданностью, но вообще-то необходимость этих мер обсуждается по крайней мере с 2003 г. В данном случае ситуация еще более простая: людей неоднократно предупреждали, но граждане посчитали, что *на их век хватит*.
- Ренационализация военно-промышленного комплекса (ВПК). Уже лет 5–6, как минимум, было очевидно, что российский ВПК и, особенно, авиакосмическая отрасль исчерпали тот запас прочности, который у них был по окончании советской эпохи. Уже 4–5 лет назад было ясно, что наша космическая отрасль испытывает глубочайшие системные проблемы. А уже 7–8 лет назад (после первого *Майдана*) стало понятно, что производство вооружения и военной техники необходимо срочной концентрировать на территории России. Правда, с тех пор было сделано до обидного мало, однако же, признаемся себе, что и по данному направлению решение зрело давно. Равно как давно зрело решение по глубокой зачистке российского ВПК от несостоятельных *крепких хозяйственников* и *эффективных менеджеров*, которые отличались только на ниве сдачи в аренду помещений и торговли металлоломом. У автора есть глубокое подозрение, что именно успешность развития российского ВПК, а не судьба газового рынка определит успех нынешнего разворота России. А в конечном счете подведет итог — положительный или нет — сегодняшнему раунду противостояния с США и возглавляемой ими коалиции.
- Создание специализированного расчетного инструмента в рамках БРИКС. Не факт, что эта идея именно сейчас найдет свою окончательную реализацию, однако безусловный факт, что эта идея находится в *повестке дня* российской политики еще с 2008 г. и еще более очевидный факт, что именно российские власти сделали в свое время максимум, чтобы затормозить реализацию этого проекта.

К слову говоря, активное сближение с Китаем в действительности играет в процессе разворота важную, но все же вспомогательную роль. Стратегические договоренности с КНР дают возможность осуществить этот разворот в относительно комфортных геополитических условиях, не ломая на первых порах структуру российской промышленности. Это очень важно, в том числе и с точки зрения сохранения региональной стабильности, но это еще не сам поворот. Сам поворот только начался.

Правительство России оттягивало стратегический поворот, сколько могло. Изменения в российской политике не просто назрели. Они перезрели и, совершенно очевидно, или эти изменения будут осуществлены правительством (в широком смысле, естественно), или они будут осуществлены против правительства. Опять же в широком понимании терминов *правительство* и *против*.

В действительности, если изменения в российской политике и были неожиданными, то в основном для самих россиян, которые откровенно сомневались, что наша сибаритствующая по мировым столицам власть в принципе способна хоть на какие-то изменения. Оказалось, что способна. Остается только, перефразируя подзабытого немецкого экономиста Карла Маркса сказать: «Нет таких подвигов, на которые не способен капитал ради 200% прибыли».

ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

Надеюсь, мы все солидарны во мнении, что мир в том виде, как он существовал в ноябре и даже в декабре 2013 г., исчез и вряд ли когда-либо восстановится. Мы еще не до конца готовы признать, что вместе с этим миром исчезло многое, что составляло основу нашего комфорта и стабильности. Что нам всем — и в общественном плане, и в личном — придется учиться жить по-новому. Приведу малень-

кий пример: в последние лет десять основополагающей идеей для многих в мире стало накопить на пенсию. Ибо жизнь для неработающего стала представляться временем релаксации и наращивания позитивных ощущений. Теперь, если даже самый незначительный финансовый кризис станет реальностью, выяснится, что эта надежда была глубокоим миражом. Вы не задумывались, что все пресловутые корпоративные, накопительные и прочие пенсии есть процесс инвестирования, преимущественно... *в пустоту*? Это справедливо даже для России, где экономика демонстрирует хотя бы минимальную связь с реальностью. И так со всей финансовой сферой, которая, повторяюсь, почти целиком оказалась во власти виртуальной реальности.

Кстати, неприятная история с пенсиями, возможно, дает нам намек на то, каким будет новый мир: это не мир прошлого, ибо прежние парадигмы вредны. Это не мир будущего, ибо мы уже не можем прогнозировать, что будет завтра или послезавтра. Это, нравится нам или нет, мир настоящего.

Рискнем предположить, что в современном мире наступает *эра проектов*. Проектов разных: тактических, стратегических, местных, интеграционных, а кое-где и дезинтеграционных. Но именно проектов — ограниченных по времени, с четко понятным результатом. Иными словами, все значимые внешнеполитические действия в новом мире должны завершаться хоть каким-то результатом.

Можно высказать и еще более жесткое предположение: лучшие стартовые позиции в новом мире получит тот, кто сможет создать новую *инфраструктуру взаимодействия*. Прежде всего экономического, но и военно-политического.

Нет, конечно, возникший 29 мая 2014 г. Евразийский экономический союз — это еще не глобальная альтернатива и, тем более, не альтернатива США, что бы ни говорили политические лидеры. Чтобы стать альтернативой США, нужно сплотить вокруг себя коалицию, объединенную хоть какой-то идеологической платформой, пусть даже эта платформа будет сплошной бутафорией. Вряд ли на это стоит рассчитывать даже в отдаленной перспективе. Коалицию, которая будет преследовать понятные политические цели и обладать достаточными инструментами, чтобы этих целей добиваться. Не могу найти ничего лучше, чтобы процитировать максимуму российского политолога Александра Князева: «ЕАЭС будет чего-то стоить, когда сможет себя защитить»¹⁶. Это жестокая правда современного мира, об основных параметрах которого мы рассуждали в начале нашего обзора: время чисто экономических объединений проходит, в будущем они смогут играть лишь вспомогательную роль.

Но ЕАЭС пока еще не является альтернативой и в экономическом плане: настоящие экономические альтернативы никогда возникают вокруг просто свободной торговли. Для экономической альтернативы нужна серьезная инфраструктурная база. Рискну высказать предположение: кризис Европейского союза (если хотите, кризис расширения Европейского союза) был связан прежде всего с тем, что расширение шло вокруг именно рынков, а не инфраструктуры.

Главный же недостаток Евразийского экономического союза, который все же свидетельствует о том, что это продукт предыдущей эпохи, заключается в полном отсутствии в нем какой-либо проектности. Это обычный процессный орган, который может работать хорошо или плохо, который может приносить пользу или вред, но который не создаст новую геополитическую ситуацию при всем желании — если таковое обнаружится — его участников.

Тем не менее это уже серьезный намек на альтернативу. Если процесс на фоне общего разворота России на Юг и Восток продолжится, возникновение соответствующей инфраструктуры (например, упомянутого выше коридора *Север–Юг*) станет просто вопросом времени. А когда появится эта инфраструктура, выяснится, что вокруг ЕАЭС возникла целая группа сочувствующих, которая в той или иной степени будет заинтересована в интеграции в возникающую систему. В том числе и потому, что, если не произойдет никаких космических сдвигов в Европе и США,

¹³ Иноземцев Владислав. Донецко-луганский референдум дает Украине шанс стать процветающей европейской страной. *RBCdaily*. 2014, 12 мая, <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949991416228> (последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Госкомпании будут ограничены в выборе банков». *Ведомости*, 2014, 30 мая, <http://www.vedomosti.ru/politics/news/27164411/banki-po-naznacheniyu>(последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

¹⁶ Князев Александр. ЕАЭС будет чего-то стоить, когда сможет себя защитить. *ИА Regnum*, 2014, 30 мая, <http://www.regnum.ru/news/polit/1808496.html> (последнее посещение — 28 мая 2014 г.).

¹⁷ По вопросу о возможных сценариях начала кризиса, о его, если хотите, *завязке*, См.: Быков Павел. Откуда придет гроза. *Эксперт*, 2014, 19 мая, <http://expert.ru/expert/2014/21/otkuda-prividet-groza/>(последнее посещение — 28 мая 2014 г.).